

Тамара Каганович

Одессу защищает еврейский батальон

Эта история началась несколько лет назад, как сценарий приключенческого фильма.

Однажды на чердаке одного московского дома жильцы-квартиросъемщики решили навести порядок. Дом принадлежал семье известной писательницы, которая давным-давно здесь не жила. Среди прочего хлама нашлось несколько старых фотографий. Позвонили хозяйке. Она сказала, что ей они не нужны, и велела выбросить. Однако же у квартиросъемщиков на это рука не поднялась. Они отсканировали фото и выложили в одну из интернет-групп, посвященных генеалогии: вдруг кому-то пригодится...

Я увидела эти фото через три года после их публикации. Несколько групповых снимков военных примерно столетней давности, над их головами надпись «Первый еврейский пехотный батальон», а в углу – заветное слово «Одесса» и имя известного одесского фотографа: Гений Шапиро.

Одесса! Разве я могла пройти мимо такой находки!

Хотя в Первую мировую войну в русской армии служили пятьсот тысяч евреев, а против них сражалось двести семьдесят пять тысяч евреев в австро-венгерской и сто тысяч в германской армиях, найти информацию о еврейском батальоне как об отдельном военном формировании оказалось делом непростым.

Сперва поиски привели меня в Тернополь, где в 1918 году был создан Пробойовий жидівський батальон, или Жидівський курінь 1-го корпусу Української Галицької армії под командуванням Соломона Ляйнберга. Этот батальон, одно из подразделений армии ЗУНР, насчитывал около пятисот человек и целый год

Первый еврейский батальон

успешно воевал под украинским флагом против поляков. В конце 1919 года большая часть солдат заболела тифом, батальон был отправлен на переформирование, и часть его бойцов оказалась в Одессе. Могли они быть теми самыми солдатами с фотографий Шапиро? Почему бы нет!

Я начала искать информацию в столичных архивах, когда среди оцифрованных фондов ЦДАВО обнаружила документы, развернувшие направление моих поисков в совершенно другую сторону. Проще говоря, я нашла то, что искала!

Бей жидов – получишь сдачи!

Первый отряд еврейской самообороны на территории Российской империи появился именно в Одессе. Во время погрома 1871 г. небольшие слабо вооруженные группы смельчаков

из числа студентов-евреев Новороссийского университета выступили против погромщиков, но остановить их не смогли. К сожалению, погромы в Российской империи не были явлением редким. Через десять лет, в мае 1881 г., Одесса снова столкнулась с этой бедой, но теперь организованные еврейские отряды действовали гораздо успешнее. Студенты и преподаватели иврита собрали довольно крупные группы самообороны, костяк которых составили мясники и извозчики. Вооруженные топорами, дубинками и железными прутами, они выходили навстречу погромщикам и часто одним своим появлением охлаждали их боевой пыл. Таким образом погром в центре Одессы удалось остановить. Но совсем без стычек не обошлось. В одной из них был ранен студент университета, будущий знаменитый бактериолог и победитель холеры Владимир Хавкин.

Реакция властей оказалась неожиданной (или скорее, к сожалению, ожидаемой). Так как полиция запретила (!) евреям организовывать самооборону, ее участники подверглись гораздо более активному преследованию, чем организаторы погрома. Сто пятьдесят евреев были арестованы, в их числе и В. Хавкин, схваченный с револьвером в руке.

В 1903 году в Кишиневе произошел невиданный по своей жестокости погром, который позже назвали Кишиневской резней. Накануне его местная еврейская молодежь создала группы самообороны, которые были вооружены и хорошо проинструктированы. Однако полиция и войска уже в первые часы погрома окружили отряды самообороны, разоружили и арестовали ее бойцов. Еврейское население Кишинева было обречено.

Но в том же 1903 году, 29 августа, в Гомеле, где также начался погром, еврейская самооборона проявила себя так, что поэт Х.Н. Бялик сказал: «Мне впервые не стыдно за русских евреев!». Властям это не понравилось. Как пишет автор многочисленных работ по еврейской истории Альберт Каганович, на скамью подсудимых наряду с насильниками и убийцами было посажено тридцать шесть евреев, защищавших свою жизнь и жизнь близких, по обвинению в учинении «русского погрома».

Теперь даже самой, как сказали бы теперь, толерантной и осторожной части еврейского населения империи стало ясно, что помощи от властей ждать не приходится, а «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Кишиневские и гомельские события кровью своих жертв окончательно смыли все сомнения. Известные еврейские писатели и публицисты, среди которых были Х.Н. Бялик, Ш. Дубнов и другие, выступили с призывом: «Нам нужна повсюду, где мы проживаем, постоянная организация, всегда готовая встретить врага в первую же минуту и быстро созвать к месту погрома всех, в ком есть силы встать перед опасностью».

Теперь отряды самообороны, несмотря на запреты властей, организовывались повсеместно и финансировались за счет пожертвований еврейской буржуазии и общин. Кровавый 1905 год только сильнее закалил боевой дух этих отрядов, которые к тому времени были организованы в сорока двух городах и местечках. Хотя власти почти всегда оказывались на стороне погромщиков, еврейская самооборона становилась все более серьезной военной силой, закаляясь, что называется, в боях.

В беспокойном 1917 году при общей политической и экономической нестабильности в стране снова усилились антисемитские настроения, развернулась погромная агитация, а тема самообороны стала как никогда актуальной. Как следствие – 10-15 октября 1917 г. в Киеве состоялась конференция представителей союзов евреев-воинов, которая выработала план создания всероссийской еврейской самообороны. Уже в октябре 1917 г. отряды самообороны были организованы в Петрограде, Симферополе, Саратове, Киеве и, конечно же, в Одессе.

«Неправда, что евреи – трусы...»

Конец 1917 года и начало 1918-го в Одессе, как и нынче, спустя сто шесть лет, были тревожными. Город трясло от постоянной смены власти. На фоне политической неразберихи участились грабежи и налеты, порядок был понятием условным. Никто

не знал, что будет дальше, но все были уверены: что бы ни произошло, виновными в этом назначат евреев. И спасти их жизнь и их добро никто не придет. Значит, надо спасти себя самим.

Как пишет Игорь Шкляев в статье «Время перемен в жизни одесситов. 1918 год»: «...единственной реальной силой, которая поддерживала порядок в городе, была «еврейская боевая дружина», которая просуществовала более двух лет. Она имела постоянный оплачиваемый состав из бывших солдат и содержалась на средства еврейского населения, а одно время даже субсидировалась Городской думой. Это воинское формирование было совершенно аполитично, преследуя только цели защиты еврейского населения и вообще охраны города».

Сначала из нескольких десятков, а затем и сотен еврейских мужчин, многие из которых только вчера вернулись из окопов Первой мировой, был организован Еврейский совет самообороны и Совет по оказанию помощи жертвам погромов, возглавить которые пригласили Оскара Грузенберга. Этот всеми уважаемый человек, адвокат, носивший в профессиональных кругах прозвище Еврейский Защитник, был известен как специалист по политическим и уголовным делам. Грузенберг выступал также защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (в том числе Максима Горького, В.Г. Короленко, Корнея Чуковского и Л. Троцкого). В 1913 году он был одним из защитников Бейлиса на процессе по делу о ритуальном убийстве, он же участвовал в судебных разбирательствах после погромов в Кишиневе и Минске. Позже, вспоминая о тех одесских событиях, Грузенберг писал: «Неправда, что евреи – трусы. Они лишь чрезмерные калькуляторы, старающиеся точно подсчитать, стоит ли заманчивая идея расплаты за нее жизнью. Но, раз решившись, они прут, как осатанелые».

Возможно, вот эта целеустремленность и точный расчет стали причиной того, что Еврейский совет самообороны в Одессе очень быстро стал влиятельной организацией. Ему подчинялись отряды, организованные по всем правилам военной дисциплины. Это была маленькая одесская еврейская армия, два года сохранявшая порядок в городе, в то время как вокруг бушевали революция, погромы и Гражданская война.

Интересны воспоминания отца писателя Льва Штерна, заставшего мальчишкой события того периода:

«В году 1918 или 1919... идя как-то по Прохоровской... увидел картину, которую хорошо запомнил: по улице не спеша ехали дрожки, на которых был установлен пулемет и сидело пару сопровождающих. По тротуару по обеим сторонам мостовой шли цепочкой по семь-восемь человек с винтовками... выяснил у прохожих, что это еврейская самооборона перевозит под охраной свой пулемет.

В то время пулемет был новейшим оружием большой силы, единственным с автоматическим огнем на фоне трехлинеек и револьверов. Поэтому пулемет, очевидно, был самой большой ценностью отряда».

«И вот, – вспоминает уже сам Лев Штерн, – относительно недавно я увидел в интернете фото группы еврейской самообороны Одессы, позирующей с оружием и в центре тот самый пулемет. За пулеметом пулеметчик и несколько человек, видимо, его помощников, опоясанных пулеметными лентами. Очевидно, это те самые люди, которых видел отец более ста лет назад на улицах Одессы. Узнал я также, что организатором самообороны в Одессе был Соломон Якоби».

Позже Владимир (Зеев) Жаботинский в речи на смерть своего друга и соратника (С. Якоби умер в 1939 году) писал: «Г-н Брайкевич, который тогда был городским головой, а сейчас живет в Лондоне и, разумеется, является христианином, рассказывает, вспоминая те дни: «Это был наш, собственный, одесский полк», – и вспоминает мальчика, который возглавлял его... Когда Красная армия окончательно водворилась в Одессе, Еврейский полк решил самораспуститься, и Якоби схоронил все оружие и амуницию в секретном месте. После этого, посчитав свой долг выполненным, он направился в Палестину на том славном пароходе «Руслан», которому предстояло открыть третью алию...

Но за четверть часа до отправления парохода от берегов Одессы нагрянули с обыском чекисты, Якоби был арестован и возвращен на берег. В ЧК ему предложили выбор: открыть тайник с оружием или расстрел... Он отказался, и этот маленький арсенал, возможно, до сих пор ржавеет в том секретном месте.

Каким-то чудом, практически невероятным (один из лидеров ЧК оказался бывшим членом дружины и не забыл все хорошее, сделанное Якоби), это дело было замято... И вот несколько месяцев спустя в Иерусалиме я встретил этого молодого человека – скромного, безобидного и малообщительного – среди полдюжины чертежников, склонившихся над продолговатым столом, где шла разработка предварительного плана Рутенберга постройки иорданской электростанции».

Однако в документах киевского фонда, датируемых 1918 г., ни имя Соломона Якоби, ни Янкелевича (его настоящая фамилия) не встречается. Возможно, потому что Первый еврейский пехотный батальон был только одним из подразделений того самого легендарного «еврейского полка», о котором говорил Жаботинский. Все приказы от имени командира батальона подписаны прапорщиком Моисеем Усопкиным. О нем стоит рассказать подробнее.

«Если не я за себя...»

Сын выходцев из бессарабских Сорок Моше-Беньюмин родился в 1894 году, уже после переезда родителей в Одессу. Когда грянула Первая мировая, среднему сыну Мелеха и Эстер, торговцев посудой со Старопортофранковской, 8, было двадцать лет. Возраст вполне призывной. Поэтому вскоре рядовой 7-го Заамурского полка Моисей Усопкин отправился отдавать долг родине с оружием в руках. Видимо, ходить в должниках Моня не любил, потому что менее чем через год за отвагу в бою был представлен к награде – «Георгию» четвертой степени.

Для солдата-еврея получить Георгиевский крест в русской – насквозь антисемитской! – армии означало лишь одно: его героизм был просто беспредельным.

Вот такой молодой человек, демобилизованный в 1917 году и прошедший четырехмесячные курсы прапорщиков, в начале 1918 года оказался командиром одесского Первого еврейского пехотного батальона.

Штаб батальона

Документы, хранящиеся в фонде киевского архива, – это своеобразная летопись жизни батальона. Каждый день составлялись списки отрядов, отправлявшихся патрулировать улицы, охранять важные городские объекты и т. д. Ежедневно же на плацу при штабе проводились всевозможные занятия и тренировки личного состава.

Вот выдержки из нескольких приказов по батальону, отражающие его, так сказать, быт:

– назначить наряд караулов (к Городской думе – 17 человек, у арсенала, где хранятся 500 недавно полученных винтовок и 24000 патронов, – 7 человек);

– объявить благодарность инструкторам Песису и Дусману, а также товарищам солдатам, накануне предотвратившим налет на телефонную станцию;

– выставить караул к Городскому банку (20 человек);

П Р И К А З Ъ № 30.

по 1-му Еврейскому Пехотному Батальону

Марта 14 дня 1918 года

Дежурный по батальону -- тов. Шафир, дежурный писарь -- тов. Манусь
Нарядь Барауловъ

Въ Государственномъ банкѣ ..... 17 чел.
У арсенала 7
У воротъ дома 4
У наружныхъ дверей 3
Въставныхъ въ штабѣ 1

по строевой части.

§ 1.

Объявляя благодарность инструкторамъ Песису и Дусману и товарищамъ солдатамъ вышедшимъ въ ночь на 13-ое Марта изъ палаты на телефонную станцію за ихъ расторопность, дисциплинированность и сознательное отношеніе къ порученному дѣлу.

§ 2.

Принимая покой батальона, будетъ помѣщаться по Базарной ул. № 89 въ лазаретъ Совета Духовныхъ Правленій.
Ротнымъ фельдшерамъ утромъ опрашивать людей и больныхъ посылать туда для именного списка къ 8 часамъ утра.
Пріемъ больныхъ будетъ приниматься докторомъ Жалковскимъ.

§ 3.

Командиру 1-ой роты къ 11 часамъ представить списокъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ находящихся въ ротѣ.

§ 4.

Еще разъ напоминаю, что самовольно отлучившихся быть не можетъ. Немедленно командиру 1-ой роты представить мнѣ списокъ танковыхъ для наложения взысканій и увольненій изъ батальона.
Ротному Комитету помочь командиру 1-ой роты провести это въ жизнь.

Батальонный Инструкторъ

Манусь 3

Моисей Уоскин. 1940-е гг.

– свободные от караулов и нарядов люди могут отправиться при желании под командою в синагогу».

Из других приказов также узнаем, что казармы, где располагался гарнизон батальона, находились на Прохоровской, 1 (вот почему отец Л. Штерна встретил вышеупомянутый пулемет именно на этой улице!). А на Базарной, 89, был приемный покой (медпункт), где больных принимал батальонный доктор Жалковский. Инициалов в приказе нет, но я предположила, что это мог быть Григорий Жалковский, впоследствии известный одесский врач,

друг семьи Евгения Михайловича Голубовского и отец Бориса Жалковского – выпускника одесского медина 1940 г. Борис погиб в Великую Отечественную, но его фото есть в альбоме выпускников, судьбы которых я исследую уже несколько лет. Я обратилась к внучке Григория Жалковского Елене – и она подтвердила, что это действительно он: на групповом фото батальона она нашла деда и в свою очередь выслала мне фото из их семейного альбома, которое сделано примерно в то же время. Вот так переплетаются истории!

А история жизни командира Моисея Уоскина не менее интересна.

Еврейский батальон будет распущен с установлением в Одессе советской власти. Моисей с 1919 по 1920 гг. будет состоять в Еврейской компартии (как он сам напишет позже в автобиографии), а с 1920 по 1922 – в ВКП(б), откуда его исключат во время чистки партийных рядов. С тех пор и до конца жизни он не предпринимал попыток вступить в партию. Ви-

димо, не случайно. В мирное время Моисей Михайлович устроится на работу в Губотдел совторгслужащих, потом будет работать директором различных госучреждений. В 1939 г. снова будет призван в армию в звании лейтенанта, а затем капитана, станет преподавать военное дело новобранцам и будет отмечен наградами.

Похоронен М. Усокин на 3-м Еврейском кладбище в Одессе. Судя по датам на памятнике, Моисей Михайлович покинул этот мир в преклонном возрасте, на семьдесят восьмом году жизни, окруженный детьми и внуками, которые наверняка не догадывались о его боевом прошлом.

Однако сегодня благодаря доступности архивной информации один из его потомков, успешный юрист Сергей Усокин, не просто изучил биографию прадеда, но и восстановил все семейное древо до XVII века.

Долгое время мы с Сергеем не могли определить, кто же на нашем групповом фото его предок. Но вот из архива прислали личное дело Моисея Михайловича 1940-х годов, где есть его фотография уже более позднего периода. Сказать, что мы были удивлены, – не сказать ничего!

Посмотрите еще раз на групповое фото штаба батальона. В самом центре его сидит совсем молоденький юноша с типичной еврейской внешностью. Ничего героического: большие грустные глаза, щуплая угловатая фигурка, явно не созданная для шинели... Разве может георгиевский кавалер и лихой вояка, командир батальона, выглядеть так? Получается,

Доктор Григорий Жалковский. 1918 г.

что может. Это не тот случай, когда надо встречать по одежке. Впрочем, почти у всех еврейских юношей на этих фото вид не боевой. Не созданы они были для войны, как не созданы для нее тысячи сегодняшних мальчиков – умных, красивых, талантливых, однако же взявших в руки оружие, чтобы защитить свой город и свою страну. Возможно, среди них даже есть потомки героев с наших фотографий столетней давности. Но это неважно. У тех мальчиков и у этих и так много общего: в тяжелые для Одессы времена они не оставили свой город в беде, вспомнив слова еврейского мудреца Гилеля: «Если не я за себя – то кто за меня? А если я только за себя – то кто я? И если не сейчас – то когда?».

